

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №8 2020 ГАЗЕТА

Александр Леонидов / **Апологет**

Лауреаты литературной премии «В поисках правды и справедливости» в Октябрьском зале Дома Союзов (Москва, 12 марта 2020 года)

12 марта 2020 года в Октябрьском зале Дома Союзов состоялась торжественная церемония награждения лауреатов и победителей Ежегодной литературной премии партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ и журнала «Роман-газета» «В поисках правды и справедливости» за 2019 год. Конкурс был посвящен 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Журнал «Роман-газета», по сложившейся традиции, выпустил очередной номер, куда вошли произведения победителей премии. Вместе с дипломами и памятными подарками номер журнала вручался молодым талантам.

В 2019 году в Оргкомитет премии поступило 268 заявок от представителей регионов Российской Федерации и восьми иностранных государств: Республики Азербайджан, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Донецкой Народной Республики, Украины, Луганской Народной Республики, Германии, Канады.

В мероприятии приняли участие депутаты, ветераны, главные редакторы ведущих литературных журналов и газет, представители ученого сообщества и творческой интеллигенции.

Председатель Жюри Премии, Председатель Партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, руководитель фракции в Государственной Думе Сергей Миронов в частности сказал: «Наши победители и лауреаты — это тоже Бессмертный полк, только в литературе. И в этом полку уже правнуки победителей, и это здорово! Мы обязаны, я в этом абсолютно убежден, сделать все, чтобы наше подрастающее поколение и

будущие поколения всегда помнили, какой ценой досталась нам победа. Помнили героизм наших соотечественников в годы Великой Отечественной войны».

Перед собравшимися также выступили Председатель Оргкомитета Премии, руководитель Аппарата фракции СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Госдуме Руслан Татаринов, депутаты фракции «СР» в Госдуме Елена Драпеко, Николай Рыжак и

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Юрий Бондарев

Семен Борзунов

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2020

Все права защищены

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №8 /1853/ Основана в 1927 г.

Александр Леонидов

Апологет

Роман

4

Семидесятые обернулись для Алика выслугой «по итогам»: досрочная, заранее оговоренная «сверху» и потому блестящая, без сучка без задоринки, защита кандидатской! Парень выглядит как студент — а уже кандидат медицинских наук! Парню бы в его годы в комсомоле крутиться — а он уже член партии.

— Как это возможно? — спрашивали недалёкие (в смысле положения и в смысле ума) знакомые.

— Это волшебство, — улыбался Алик.

И все советские люди, зацикленные на «доставании» импортных радиол, думали, что он шутит...

Если человек — референт в Завидово, пусть даже и узкопрофильный, но — «приглашённый», то он не поднимается на руководящие должности, а нисходит на них. Вчерашний выпускник, на зависть Министерства рыбной промышленности, так и не дождавшегося его в штат, встретил новый, 1972 год заместителем заведующего лабораторией биометрии во Всесоюзном Центре биотехнологий.

На безобразно звучащую должность «замзавлаба» Совенко перешел с безобразно выглядевшей должности «человека-промокашки». Впрочем, власть выплавляется из безобразия, недаром Гарри Трумэн говаривал в своё время: «Кто боится огня — пусть держится подальше от кухни»...

Звучит, прямо скажем, «не ахти». Но это высокооплачиваемая должность в одной из ключевых цитаделей партии и правительства. Должность референта в Завидово — выше, важнее, но она временная и бесплатная. Специалист узкого профиля всего лишь приглашен для консультации... Верно говорят завидовские обитатели — «от референций до предпочтений один шаг». Но верно и то, что шаг этот ещё нужно сделать... И вот шагнул — и штанов не порвал: отдельный кабинет в таинственном научном особняке, утопающем в цветущем сиреневом и жасминовом парке за чугунной витой оградой... Угловатая, до безвкусицы зеркально-полированная мебель строгих форм, кажущаяся из-за своего неумеренного глянца почти прозрачной... Сбоку, на приставном столике, у правой руки руководителя замерли жёлтый и белый слепые телефоны в «глухих» корпусах, соединявшие с одним-единственным собеседником. Функция набора номера у такого аппарата просто отсутствует. Но

ценится он больше, чем самые новейшие, кнопочные аппараты! Потому что даже самый престижный кнопочный «телефункен» может купить себе и удачливый спекулянт, а вот такие, примитивные, словно кирпич, — соединяют нитями проводов «включённых» и «посвящённых»...

Продолжается не только Суслов, сохранивший и жизнь, и даже обглодок прежних должностей; продолжается и «большая игра». «Из каждого утюга» — как тогда говорили — советские рупоры изрыгают проклятие новоиспечённому Нобелевскому лауреату Александру Солженицыну. Такой рекламной кампании не знали даже Пушкин с Шолоховым...

Когда 4 апреля 1972 года советские власти, публично, демонстративно, а главное — всенародно, отказались выдать въездную визу официальному представителю Шведской академии, который должен был вручить Нобелевскую премию по литературе, Алик поинтересовался у коллег в завидовском клубе:

— А вам не кажется, что мы своими руками куём ему популярность?

— А тебе не кажется, что ты лишнего болтаешь?! — строго осёк Яковлевич.

Говорят, что советская власть была неэффективной... В чём-то, может быть, и была. Но её гримасы и кривляния по поводу Солженицына оказались очень эффективными. По итогам этого гримасничания о Солженицыне прочно знали даже те, кто никогда не взял бы в руки художественной книги! Причём не только в СССР, но и на Западе, где давно уже никто ничего не читает...

«Люди из прежних эпох, — думал Алик, — вообще не поняли бы Солженицына и весь пафос его... О чём он вообще? — пожали бы плечами бойцы отряда Матвея Безымянных. Ну, победители истребляют побеждённых, когда и где это было иначе?! В Америке? В Африке? В Азии? В Австралии? В Третьей рейхе? Или вот недавно — на Вьетнамской войне — что, не так?! Когда и где было по-другому — да и как вообще можно по-другому? Ведь твоё превосходство не вечно, оно лишь ситуация! Не истребишь побеждённых — они соберутся с силами и истребят уже тебя. Главный подлог у Солженицына — в том, что он оперирует той этической схемой, которая и появилась-то, собственно, только с коммунистами и у коммунистов...»

Но такого рода мысли были уже никому не интересны в стране, в которой начались обширные закупки американского зерна и была подписана целая туча соглашений по разоружению. Никсон принял решение «закрывать» войну во Вьетнаме, а потом ещё и припёрся в Москву, «дружить домами».

В Хельсинки начались переговоры, посвящённые подготовке Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, той самой, которая после всем наврёт, что границы теперь будут неизменными.

В мире царила «весна» со стойким цветочным запахом отравляющих газов: Финляндии дали отмашку признать ГДР, ФРГ заключила с ГДР соглашение... Коварный Никсон, Одиссеей нового времени, сыпал и сыпал кормов троянскому коню: что ни день, то соглашение о сотрудничестве! То в науке, то в культуре, то по обменам, то «в области охраны природы», то по космосу!

В области медицинской науки и здравоохранения, к великому счастью коллег Алика Совенко, была подписана отдельная конвенция. Все белохалатники ВЦБТ с придыханием пересчитывали её параграфы в валюту служебных командировок...

Разрядка, разрядка, разрядка... Девочка «Элли» онид с бесполезными шавками-тотошками, сменившими у ноги «Элли» конвойных овчарок, вошла на маковое поле «разрядки»...

«Спи, усни!» — сладко шепчут спело-красные, бутонами напоминающие ягоды, маки. Ох, не из Канзаса была эта девочка Элли, совсем не из Канзаса...

* * *

— ...Я полагаю, что административно-командный строй серой казарменной уравниловки исторически обречён, — обтекаемо выразился Румянов за хорошо сервированным столом в Завидово. И добавил — на случай, если разговор «пишут»: — Я говорю не о социализме. А о конкретной, исторически-неудачной модели... И поэтому, Виталий Терентьевич, мы сегодня в большой опасности, мы уязвимы. Давайте поставим себя на место врага. Что бы вы сделали, чтобы развалить наш строй?

— Дал бы людям болтать обо всём без ограничений.

— И всё? — Румянов казался разочарованным.

— Sapienti sat¹, — воспроизвёл Алик любимую прибаутку международного Жени Перламутрова. Тот сидел рядом и оценил кивком ученичество «молдшего».

— А вам не кажется, что прямая демократия на местах, свободное обсуждение вопросов — наоборот, укрепят социализм?

— Не кажется. Как алкоголик упивается до белой горячки, так и болтуны упиваются собственной значимостью до галлюцинаций... Дайте им болтать обо всём — и они похерят всё.

В завидовской столовке на пластиковом квадрате столешницы очень интересно вращались стаканы с кефиром, если крутить их в пальцах. Почти как юла. Алик вертел такой стакан лёгкими касаниями, прищурив глаз:

— Вот вы сказали, что административно-командный строй серой уравниловки обречён... Скажу больше: исторически обречён любой строй, который танками не давит и в затылок не расстреливает.

¹ Умному достаточно (лат.).

— А вы опасный человек... — укорил Румянов, но в тоне слышалось восхищение.

— Безопасных сюда не приглашают, — парировал Совенко. — Если власть перестала карать — всё остальное уже не важно, будь она хоть первозванными апостолами представлена... Дайте людям свободно болтать — и они упьются собственной значимостью до смерти! Так устроен человек — это я вам говорю как медик...

— Неужели так просто? Поддержать народную свободу и...

— Небезызвестный кардинал Ришелье, — дал справку «человек-справка», тяготившийся ролью завидовской «промокашки», — таким вот способом уничтожил половину населения Германии... Очень радел он за «милую сердцу немцев» народную свободу, в каждом письме, в каждой речи... И очень решительно выкорчёвывал всякие секты дома...

— Поп вроде бы, а понимал, что к чему... — одобрительно рассмеялся Перламутров.

— Так вот, про историческую обречённость... — гнал в карьер Алик, отбросив сомнения. — Люди не ценят подарков от слабака. Они считают, что и сами взяли бы то, что слабак им дарит. Власть по природе своей inferнальна. Да, с ней можно работать в костюме химзащиты, частично защищая себя от её ядовитых испарений, но лишиться токсичности её самоё — утопия...

— Вы думаете?

— Это я вам говорю как экспериментатор, как лабораторная крыса... Если вместо того, чтобы отстаивать свою власть, вы станете строить какую-то абстрактную «хорошую» власть — вы просто потеряете власть. И всё на этом кончится... Для вас — а может быть, и для страны с народом. А может быть — и для истории в целом... Всё может быть. Вы ведь разговариваете с медиком, а медики знают, что есть безнадёжные диагнозы... Вы можете дать народу множество благодати, или даже много, но для начала его всегда нужно «как следоват» вздуть. Не вздувши народа — ничего ему не дашь...

* * *

Изобилие полированных поверхностей в кабинете «замзавлаба» бликовало в ответ на заигрывание переменчивого московского солнца. Алик, приготовившийся выпить стакан кефира и уже «чпокнувший» пальцем крышечку из фольги на широком бутылочном горлышке, с изумлением и радостью смотрел на нового назначенца. Офицер КГБ в секретный отдел, молодой и бравый, спортивный и подтянутый, а главное — с детства знакомый! Друг детских игр и соавтор куличиков в песочницах под грибочками, Максим Суханов! По преданию, Мак и Алик родились в один день, в одном роддоме — сами они, конечно, ничего такого не помнили, да и не могли помнить. Но нашлось кому просветить на этот счёт: мол, выловили вас, полешков, в пелёнках, бочок к бочку...

Неудивительно, что с этого дня кабинеты спецотдела ВЦБТ и замзавлаба биометрии стали словно бы смежными — хоть и на разных этажах находились!

— Говорят, у тебя тут чудеса и лешие бродят? — попытался сориентироваться на новом месте Мак.

— Этого дерьма у меня полон сейф! — поддержал тональность Алик. — Кефиру не хочешь?

— Я уж думал, что у того, кто работает волшебником, что-нибудь покрепче кефира найдётся...

— В рабочее-то время, товарищ капитан?!

— Не в рабочее, а в обеденный перерыв! — парировал весёлый Суханов.

— И этого дерьма у меня тоже полон сейф! — понимающе закивал Совенко. И уже догадывался, как и положено магу, что в курилке учреждения их буквально через несколько дней назовут «дивизией SS» — «Совенко-Суханов»...

«За встречей» и формирование этой самой внутриинститутской «SS» Алик достал из сейфа виногорлужую, гранёную, как бриллиант, бутылку коньяка Frapin Cuvée. Можно сказать — «пьяняще-дорогое» пойло! Хрустальное литё «пузыря» выдержано в викторианском стиле, а пробку к графину изготавливают из 24-каратного золота...

— Ого! — удивился и умилился Мак. — Откуда такая роскошь...

Совенко его неправильно понял — как раз разламывал плавленный сырок «Дружба» на закуску, и пояснил, что из гастронома напротив.

— Коньяк Frapin Cuvée из гастронома напротив?! — вскричал Суханов, понимая, что действительно, попал в страну чудес и в зазеркалье.

— А? Нет, я про сырок... А коньяк мне подарил один вонючий американский шпион, некий Жан Бертлен... Мы в Париже познакомились, он сам француз вроде бы, но на атлантической службе... С тех пор прилип ко мне как банный лист, коньяки с золотыми пробками дарит...

— А ты берёшь?! — Мак не верил, что такое рассказывают, и тем более не верил, что такое рассказывают ему, офицеру КГБ.

— Да я не хотел бы! — сокрушённо качал деформированным «кочаном» Алик. — Но ведь ваши же и заставляют! Требуют, чтобы я шёл на контакт, — они его вроде как завербовали, а я вроде как привычный ему посредник, канал связи... Любой советский человек обязан выполнять требования партии и правительства! Вот играю в шпиона как дурак, взятки принимаю... А этот гад и рад стараться! Бертлен, я имею в виду... Въехал под видом туриста и привёз мне вот такие часики...

Совенко преломил руку вверх в локте, как после анализа крови. Под манжетой блеснули золотом и бриллиантами часы «Ланже», которые, если кто не знает, дороже «Ролекса».

— Мне приказали: брать всё, чтобы не спугнуть контакт... Я взял, как положено, понёс сдавать в твою контору, под опись... И ты понимаешь — отка-

зываются братья! Говорят — неизвестно, чьими глазами он за тобой следит, этот Бертлен, если будешь без часов — заподозрит... Ну, бла-бла-бла... Носи на руке — короче, вывод! А оно мне надо?! — Алик сморщился от обиды используемого человека. — Они в Европе стоят, как «Мерседес» посольского класса! А если у меня их сопрут, а они в протоколе фигурируют?! Я же буду за них с КГБ и ГоХраном полжизни расплачиваться!

— Да уж... — саркастически «посочувствовал» Суханов другу песочниц безоблачного детства. — Нелегко живётся на свете кандидату медицинских наук по перспективной специальности «нейрология»...

— И не говори! — сделал вид, что не заметил иронии, Алик. Разливал *Frarin Cuvée* по гранёным стаканам. Чистый, как и положено, предоставил дорогому гостю, а тот, в котором к донышку присох белой коркой канцелярский клей, забрал себе. В кабинете, полном прыгающих по глазури мебели солнечных зайчиков, запахло медом, пряностями и ванилью. На вкус *Frarin Cuvée* казался взрывом рая во рту...

— Теперь я и впрямь вижу: у тебя волшебства полон сейф... — кивал сизо-выбранным подбородком даже сидевший по стойке «смирно» бравый Мак.

— Это? — скривился Алик на коньяк-взятку. — Это не чудеса... Это морока моя, шпионские игры... Взаимная вербовка, они — нас, мы — их, считается, что более сильный строй выиграет в итоге... А всякий правоверный не может усомниться в силе привлекательности советского строя... Вот круг и замкнулся... А чудеса другие... Это, брат, только сказки — реальность библиотеки. А чудеса — это всё строго по науке! Ты на бегах играешь?

— Где?

— Ну, на бегах, на ипподроме? Некоторые играют, делают ставку на лошадей, большие деньги выигрывают...

— Я же офицер органов! — возмутился Суханов.

— И деньги тебе не нужны? — скептически прищурился Жжёное Ушко, благодарный Суханову, что тот в детстве никогда не опускался до травли слабого.

— Деньги всем нужны... — поджал губы капитан КГБ. — Но только не ворованные...

— А кто сказал — ворованные?! — обиделся Алик. — Чудеса — это не фокусники и не ловкость рук карманника... Магия, брат, — это наука! Нечто из ничего, понимаешь? Берём ноль — ничёмный, пустой, как дырка от бублика, круглый ноль, бесполезный... Отнимаем от него минус единицу... И получаем плюс единицу! Было-то ничто, пустота, а появилась твёрдая единица.

— Единица чего?

— Ну, если дензнаков, то рубль...

— Да ну тебя, Алик! Сказки какие-то...

— Сказки, — строго возразил Совенко, — в кукольном театре! Ты спросил про волшебство... И я

тебе покажу! — Последняя фраза прозвучала как традиционная угроза отцов сыновьям...

Крутнувшись на вращавшемся кресле, замзавлаб достал из раскрытого за спинкой кресла сейфа предмет, напоминающий столовый набор специй. Три пузырька. Выглядели специи неаппетитно...

— Я почему тебя про ипподром-то спросил? — пояснял Алик. — Вот в этом пузырьке, — он выставил с металлического блюдца пузырёк с серым склизким студнем внутри перед Маком, — сгущёнка Абры¹... Абра — это энергия чистого знания, совокупность сообразительности живого существа... Если ты вколешь среднему рысаку эту абру под кожу, то он обойдёт на полкорпуса лучшего из рысаков...

— Типа допинговые стимуляторы? Как у спортсменов? Только лошадиные?

— А вот это, — игнорировал Алик глупые вопросы и придвинул пузырёк с чёрным студнем, зыбко и угрожающе колыхавшимся за стеклом, — сгущёнка Гаввахы²... Хреновая, стрёмная вещь, скажу я тебе... Это энергетическая вытяжка энергии из страданий живых существ. Гавваха сильнее Абры, как тротил — дымного пороха... Если ты вколешь беговой лошади гавваху, то самая последняя водовозная кляча придёт на десять корпусов быстрее лучшего рысака. Правда, потом сдохнет... В этом разница между Аброй и Гаввахой: Абра что-то вроде вежливого допроса природы, а Гавваху — пытка подследственной...

— Френсис Бэкон называл «пыткой природы» научный эксперимент... — припомнил Суханов золотые студенческие деньки.

— Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача, — напомнил в тон воспоминаниям Мака Алик слова Мичурина. — Да, брат, это всё оттуда... Абра и Гавваху, кому что больше нравится... Абра чище, но, чтобы заменить пузырёк Гаввахы, — Алик потряс своей баночкой с фиолетовым отливом чернеющим странным дерммом, — потребуется бочка Абры...

— А ещё варианты есть? — из чистого любопытства спросил Суханов, переполненный впечатлениями от нового места работы.

— Ну, теоретически... — Алик лукаво, словно дед на картине «Три охотника», почесал себе загривок. — Есть ещё прана³... Ну, как бы тебе объяс-

¹ Абра — в оккультизме и каббале «знание». Отсюда имя «Абракасас», в демонологии демон любопытства и популярная присказка «абра-кадабра» (на самом деле «абра кадавра», т.е. «знание мертвеца»).

² Гавваху, или гаввах — излучение, выделяемое страданиями живого существа как при жизни, так и в нисходящем посмертии. Гавваху является источником сил, энергии для демонических существ. В чёрной магии принято считать, что причиняемые живым существам муки подпитывают мага, делают его могущественнее.

³ Прана (*санскрит*, буквально «дыхание» или «жизнь») — некое нейтральное содержание, которое делает жизнь живой, наполняет её способностью жить. Это энергия бытия. Считается, что прана пронизывает всю Вселенную, хотя и невидима для глаз.

нить, — это просто энергетика жизни как таковой... Эдакий полый внутри наполнитель, типа керамзита в строительстве или опилок, в которые упаковывают на почте хрупкие предметы... Прана — это воздух...

— Воздух — это азот с кислородом, — засомневался Мак.

— Тоже верно, неловко выразился... Не воздух, конечно, но типа воздуха: всем даётся по потребности и бесплатно... Это такая бездумная жизнь, когда ты просто в потоке плывёшь, не создавая собственных течений... Мысли — чисто реагентные, отражающие... Если в приложении к ипподрому, на котором ты не играешь, прана — это смотреть на лошадей и пытаться угадать призовую по внешним признакам... Что большинство игроков и делает, как ты знаешь — воздух всем доступен, и вода доступна всем — в отличие от коньяка *Frarin Cuvée*... Провалиться бы ему вместе с его дарителем! Попы на это, знаешь, как говорят?

— А они откуда знают?!

— Ну, трудно не заметить, если две тысячи лет жизнь и человека изучаешь... Попы говорят: всё, что за деньги, — от дьявола, но, к счастью, не всё в жизни за деньги. Воздух без счётчиков, и дождь бесплатно, и зерно не спрашивает с тебя зарплаты, чтобы наливать в колосе... Не всё в жизни за деньги, основное даром, и это — прана! Ну, а вот этот распроклятый *Frarin Cuvée* или часики по цене автомобиля — это, конечно, уже не прана. Это или абра, или гавваха... То есть, проще говоря, — или сила знания, превосходящего знания окружающих, или сила зла, подавляющая волю окружающих...

— Гавваха сильнее, говоришь?

— Конечно, во много раз... Но абра чише...

Помолчали. Как-то обоим стало нехорошо. Как будто весь кумачово-барабанный СССР за окном, включая и дагерротип ленинского профиля в кабинете замзавлаба, стал прозрачным бесплотным миром, а зыбкий мираж — наборот, выдвинулся плотной реальностью...

— А это что за баночка с чудом? — попытался сменить тему Суханов. И взял в руки пузырёк с плотно притёртой массивной лабораторной пробкой цельного стекла. В пузырьке лежало что-то вроде красной икры, только более разморенное, бесформенное. На стекле пузырька некий шутник написал серебрянкой, используя тонкую каллиграфическую кисточку: «Ядь либѳралізма».

— Это шутка, конечно, — засмеялся Совенко. — Учёные тоже шутят, Мак! Это смесь из афродозиаков, усилителей аппетита и антидепрессантов... Покушаешь такую икорку, и у тебя сразу «конец» затрочит первоначалом, плюс очень жрать охота станет, а заодно и такая эйфорическая лёгкость в мыслях образуется... Вот это сочетание в шутку у нас и зовут «ядь либѳралізма», в честь старых охранителей, вроде Достоевского или Нилуса! Уже они писали, что либерализм усиливает все животные похоти

и инстинкты, за счёт ослабления высшей мыслительной деятельности... Наши ребята и сделали такой коктейль. Никсона травануть, при случае, под видом бутерброда с икрой, чтобы был добрее и безалабернее...

— Обалдеть!

— Не то слово, Максим, не то слово...

* * *

Имена лабораторным пузырькам давались в порядке, обратном тому, в котором их презентовал особисту Совенко. Помог с именами в значительной степени всё тот же «гость столицы» Жан Бертлен, жизнелюбивый провансалец, в СССР играющий роль «философа, который всегда в безупречно-белой рубашке, несмотря на дальность командировок». Имидж такой, по-«ихнему» говоря, а по-нашему «репутация». Репутацию Жану Бертлену тут же попытались подмочить, как сушку в чае, по московской традиции.

— Воображаете, — хохотал за ресторанным столиком в «Арагви» Бертлен, — в «Интуристе» мне подложили какую-то неловкую, неумелую и скованную в любви *jeune femme*... На мордашку *jolie*, но в постели ей ещё учиться и учиться! Всё это они радостно засняли и поймали меня «на крючок», как у вас говорят! Я, конечно, подыграл, сделал вид, что очень боюсь...

— Как я понимаю, — пронизательно тостовал Алик, — вашим шефам совершенно безразличны ваши сексуальные похождения...

— Ну нет, как вы можете! — выпучил и без того выпуклые глаза Бертлен. — Не безразличны! Нет! Имидж жеребца и мачо всегда красит послужное досье спецагента, вы просто не смотрите наших фильмов! И вы им этого не говорите, а то расстроите хороших людей, да и не поверят они вам, Витали! Им так хочется думать, что они меня напугали, — иного они не примут!

— Тогда зачем вы так откровенны со мной?

— Они думают, что принял ваш желатиновый коктейль за кетовую икру, и уже не в ваших интересах их разочаровывать! Скажу честно, Витали: мне понравилось! В юности я пудрил нос кокаином, но это было давно... И, в общем-то, неправда: так, на пробу... А когда я попробовал этот ваш... Достоевский назвал бы эту смесь *poison du libéralisme*... Вставляет, Витали! Вштыривает, как у вас говорят! Я даже подумал сочувственно — эти бедные люди столько лет пытаются построить коммунизм в объективной реальности, стараясь снабдить каждого всеми необходимыми предметами: *c'est si cher!*¹ А достаточно всего лишь воздействовать на несколько центров удовольствия коры головного мозга, и человек будет счастлив, как алкоголик до похмельного синдрома! Витали, дайте каждой вашей неумелой

¹ «Это так дорого!» — в смысле цены, оплаты (*фр.*).

шлюшке по ложке этого рассола, и у них будет коммунизм в головах. А если он в головах — то какая тогда разница, что вокруг?!

— Реальность — это последняя по счёту иллюзия, не перекрытая новыми впечатлениями, которые люди называют «разоблачениями»... — процитировал Совенко из «Магистериума».

— *J'aime aussi cette citation de Papus...* — почти сразу среагировал матёрый зверь Бертлен. Не выдал себя ни глазами, ни жестами, ни паузой. И так на этом сосредоточился, что выдал себя языком, от тщательно скрываемого волнения незаметно для себя перескочив на родной... «Мне тоже нравится эта цитата из Папюса», — сказал он, не понимая, что говорит уже на французском...

— Давайте ещё по коньячку! — выручил его Алик. — Это армянский КВ, конечно, не французский, но за неимением...

— Скажу больше! — возразил Бертлен и даже протестующе выставил ладонь вперёд жестом «стоп». — Ваш КВ — не только не французский! Он лучше французского... И это говорит вам человек, посвятивший жизнь изучению коньяков со всего света! Это... м-мм!

Потрясающе чувственным парижским жестом Жан передал своё восхищение.

— Да разве только коньяк КВ?! — откровенничал он дальше. — Сознаюсь, *mon ami*, я успел полюбить Moscow... Вот здесь в «Араги» я заказываю через день: иногда шашлык по-карски — это почечная часть на косточке... А иногда шашлык и по-гусарски — это баранина с углей, прослоенная салом... В ваших советских шашлыках есть что-то варварское, первобытное, не испорченное и не опошленное лживой *culture bourgeoise*... Сало! Во Франции не найдёшь в ресторане сала, как и ржаных хлебов! Недавно мы тут ужинали с одним *béant*, который всё надеется выудить из меня ценные сведения для вашего КГБ! Слушайте, ну цены просто потрясающие! На 15 рублей мы с *béant*, как говорят в России, «ужрались» — и шашлыками и коньяками! Я понял, что ему выдали пятнадцать рублей, чтобы меня окучивать, так вот: у него еще и деньги оставались! Пусть тащит в семью, я не в обиде, я больше есть не мог... Салаты, вторые блюда, две пачки сигарет... Зачем-то мы взяли бутылку *vodka* и... Ну, это он, наверное, себе в «заначку», как говорят в России... И у нас ещё остались деньги *un taxi*... «Тачку», да?

— Да, — подтвердил Совенко.

— А я думал, он надо мной шутит! Я думал — «тачка» — это шахтёрские работы! Меня учили русскому языку белоэмигранты, они плохо разбираются в советском акценте... Так вот: мне нравится ваш город! Нравится, что народ валом валит в ваши рестораны, поесть и заказать музыку... Это и шумно, илюдно, но зато весело... А в Париже, вы помните, музыканты часто играют для одного стола или отрабатывают пустое помещение... Естественно, это ска-

зывается на их зароботке... Порой выручают голую гарантию-*minime*... Нет, я не музыкант и никогда им не был, но я... готов сочувствовать! Мне чертовски нравится мегаполис, в котором можно так погулять за пятнадцать рублей! По вашему курсу это около десяти долларов США... Но, слушайте, за десятку гринов мне в Париже затруднительно найти даже приличный платный сортир!

— Может быть, это говорит о преимуществе социализма над капитализмом? — поинтересовался Алик с предательской неуверенностью в голосе.

— Нет, *mon cher ami*, увы, наоборот... — даже пригорюнился матёрый хищник. — Вы слышали про теорему Грешема¹, а? Худшие деньги вытесняют из обращения лучшие! Казалось бы, должно быть наоборот, но вот Грешем доказал...

— В соревновании бочки мёда и ложки дёгтя, — припомнил Алик фольклор, — всегда побеждает ложка дёгтя...

— Не совсем понимаю ваши аграрные аллюзии, но, видимо, это о том же...

И вот дальше, с этого места «воночий шпион», с которым запретили не встречаться высшие инстанции, начал, сам того не ведая, давать названия разноцветным студням в пузырьках лаборатории биометрии:

— Каждому делу нужно топливо в топку удачи! Если вы просто открыли пекарню — то это Прана. Сырой торф, который едва тлеет... Может, люди зайдут и купят ваши булочки, так ведь тоже бывает! Если вы, открыв пекарню, пустили на улицу вкусный запах, нашли уникальные рецепты выпечки, придумали психологически-проникающую рекламу — это Абра. Ваш дизель безобидного умственного превосходства: дыму мало, огонь яркий! А вот если вы разогнали или даже убили всех пекарей в округе, так, что булки и купить негде, кроме как у вас, — тогда это Гавваха! Ваш личный миниатюрный атомный реактор, как на ледоколе!

5

«Подмахнув» заявление об увольнении своего помощника-референта Совенко переводом на должность замзавлаба биометрии, директор ВЦБТ, академик «и прочая, прочая, прочая», Андрей Григорьевич Сбитнев и думать забыл про какого-то очередного прыткого молодого холуйчика...

Но Алик не отплатил взаимностью, не забывал о Сбитневе. В помощники шефу перед уходом технично был сосватан «на замену» Ильяс Сагидуллин, женишок напропалую блудящей сестры Алика Корины. Сбитневу что: лишь бы под локтем какой-нибудь «промокашка» был ежедневно. А для Совенко — часть далекоидущего плана.

¹ Закон Грешема гласит: «Худшие деньги вытесняют из обращения лучшие». Закон сформулирован в 1560 году английским финансистом Томасом Грешемом (1519–1579).

Расклад получился таким: над новорожденным номенклатурщиком Аликом, уже начавшим рассказывать на ключевые места своих людей, сидел замшелый завлаб, ссыльный партиец-отставник старик Крохалев. Выше него — курирующий зам Кацнельсон. Ещё выше — Сбитнев, вяло враждующий с этим самым Кацнельсоном...

Алик был не из тех людей, которые довольствуются третьестепенными ролями. Да и трудно предположить себе смиренность в практикующем оккультисте, к которому со всего СССР свозили на биометрические анализы экстрасенсов, телепатов, всяких прочих умельцев со сверхспособностями.

Когда твои подопечные — колдуны с Алтая — останавливают на расстоянии, силой одной мысли, сердце лягушки, невольно задумаешься об остановке сердца врага. Когда твои люди взглядом переталкивают ложки на столе, непременнообразишь себе как бы случайную авткатастрофу с предметом карьерного препятствия...

* * *

Иудифь Давидзе, девушка с Кавказа, полугрузинка-полуеврейка, появилась в лаборатории в конце 1972 года. Возникла в приёмной всесоюзных шефов биометрии словно бы из ниоткуда, хотя ВЦБТ — объект режимный, охраняемый...

— Вызывали? — поинтересовалась у секретарши Людочки, бельчонком грызшей шоколадку, подарок литовских командировочных, за огромной, как пулемёт, печатной машинкой. Машинка была на электроприводе и постоянно гудела — даже когда Люда и не думала что-то печатать. За валиком, впрочем, всегда торчал бумажный «бутерброд» из дежурных мелованных листков с копиркой между ними. Людочка взволнованно и интенсивно, со всех ракурсов, рассматривала своё совершенство в круглом зеркальце...

— Вы кто? — спросила она, оторванная от своего сверхувлекательного занятия бесцеремонным вторжением. И смотрела растерянно на смуглую и черно-волосую гостью, явившуюся в экзотичной, мингрельской безрукавке с каракулевой оторочкой.

А между тем ничего удивительного в появлении Давидзе не было, кроме того, что она непостижимым образом миновала пост охраны на первом этаже, вместо того чтобы звонить оттуда по «внутреннему» насчёт заказанного на её имя пропуска.

Она действительно была приглашена. По всесоюзной путёвке «Алло, мы ищем таланты!» — приглашена откуда-то из менгрельской высокогорной деревушки, где прославилась, ставя довольно точные диагнозы, вода над головой пациентов руками.

В профиль эта девушка казалась Медеей с росписи античных амфор: резкие черты лица, тонкий нос с горбинкой, ночь южной субтропической смуглости, исходящая от её кожи и слегка выющихся волос, рассыпанных по плечам... Совсем не красавица,

яфетического типа, — она невольно притягивала взгляды демонической силой жара и страсти, которыми была буквально пропитана. Если бы в кино взяли отбирать на роль восточной колдуньи — типажа лучше этого не сыскали бы!

Вся эта роскошь, дыша чернильными сумерками и магнолиями Кавказа, вошла, словно сказка в скучный быт, в кабинет заведующего лабораторией Крохалёва... И, как на мормышку, наткнулась на рыбий взгляд узколобого старика, казённого винтика, исчерпавшего всю личность должностью.

— Мне нужно устроиться у вас на штатной основе, тогда мне смогут выдать квартиру в Москве, — спокойно и уверенно сказала она Аггею Борисовичу, как называли Крохалёва, когда не называли более частым его именем «товарищ».

Крохалёв, старый, облезлый, как гриф-падальщик, партийный неудачник, пропустил её слова мимо ушей. Он как раз писал очередную свой опус, что-то вроде монографии «Колхоз как высшее достижение человеческой мысли». В молодости такие названия казались Алику анекдотичными, достойными эстрадного комика... С годами он всё больше задумывался: а вдруг Крохалёв прав? Что касается Иудифи, то она никогда не задумывалась ни над названиями монографий, ни над их толкованиями.

Аггей Борисович не видел ничего комедийного в книге Политиздата с обложкой «Колхоз как высшее достижение человеческой мысли». Смешным ему — с его угла обзора — показалась фраза «новенькой». Не имея чутья, ни черта не смысла в порученном ему партией деле, он не распознал в гостье колдуньи...

— Девушка, — сухо шмякнул он, как печать на бланк, — у нас есть сотрудники, которые работают в системе уже по десять лет, но сидят без квартир! Если хотите жильё сразу — устраивайтесь дворником...

В сфере учёных занятий Крохалёва находились биометрия жужелиц и гусениц для улучшения агрокультуры. Что он мог понимать в тонких материях?

— Спасибо за совет! — кивнула чертовка в расшитой безрукавке, в которой напоминала солистку этнографического ансамбля «при исполнении». — Я неплохо владею метлой!

После чего вышла от Крохалёва и, пересекая пространство приёмной с удивлённой её наглостью Людочкой, вошла в кабинет напротив, где на обитой кожей двери была табличка «Заместитель заведующего лабораторией биометрии ВЦБТ Совенко В. Т.».

— Мне нужно устроиться у вас на штатной основе, тогда мне смогут выдать квартиру в Москве, — по-прежнему твердо, без запинки или сомнений повторила Иудифь Алику.

Они долго и пронзительно посмотрели друг другу в глаза — и Совенко поверил в силы девушки.

— Заявление... — попросил он.

И, расчеркнувшись через голову Крохалёва, своей волей предложил Иудифи «с этим» проследовать в отдел кадров.

У выхода она обернулась, придерживая рукой медную витую ручку. Смотрела, заглядывая взглядом миндалевидных глаз шемаханской царицы, белозубо ухмылялась острыми и хищными клычками:

— Мы с вами до сколько работаем?

— До шести... — улыбнулся Алик в ответ.

— А вы не против после шести взять работу на дом?

* * *

Гибкое и тонкое, змеиное, переливчатое, смуглое до ощущения обугленности женское тело маячило перед Совенко фигурной спиной. Побуждало целовать позвонки и лопатки. Иудифь, лежавшая между Аликом и Маком, легко, жестом балерины, перешла в вертикальное положение:

— Мальчики, вам вина или сока? — потёк по будуару Папюсова замка её медовый, сладкий и липкий, голос.

— Какой же ты противный! — полушутя-полувсерьёз сказал Суханов, глядя искоса на голого Совенко. — Отодвинься на край, а то меня стошнит, что мы с тобой в одной постели!

— Зато ты ничего! — издевался Алик. — Спортивный и подтянутый... Наш дорогой Леонид Ильич, с его искусством однополых поцелуев, оценил бы!

— Не смей даже думать, подонок! — взвился, в прыжке обматывая чресла простынёй, Мак.

— Да ладно, юмора не понимаешь... — хохотал Совенко. — Больно ты нужен! Скажу тебе, как записной парижанин, Максимка, задница твоя, по мировым ценам, недорого стоит...

— Мальчики, не ссорьтесь! — попросила Иудифь притворно-умоляющим тоном. В каждой её руке было по стакану «Саперави». — Давайте выпьем за наш дружный и сплочённый коллектив!

— Сколько я у вас работаю? — загибал пальцы Суханов у стрельчатого готического окна, присев, словно на банный полук, на подоконник. — И года нет... Скажи мне кто-нибудь два года назад, что я буду среди колдунов — обсмеял бы... Сидел в Горьковской школе КГБ, даже и предположить не мог...

— ...что кроме брёвен бывают ещё и женщины? — мягко вклинулась Давидзе. Маленьким, декоративным ножичком резала спелый гранат на серебряном чеканном блюде, и красный сок бежал по её запястью, словно кровь из вскрытой вены...

— Вы как хотите, — брюзжал Мак, — но во всём этом есть что-то антисоветское!

— Роскошь... — тут же подсказала ему Иудифь. — Женщина антисоветской быть не может, а вот обстановка... Н-да, Алик, буржуазная...

— Феодалная, я бы сказал, — благодушно поправил её Совенко, закидывая руки за голову на подушке. — Хочешь знать, что погубит советский строй? То, что все ругают феодализм, но каждый лично хочет хоть немного побыть феодалом...

— Идите вы оба, знаете куда? — сердился Суханов. Порыв страсти прошёл, выплеснут в огонь безумия, и теперь ему было не по себе.

— Опять?! — игриво ужаснулась их, одна на двоих, женщина.

— Согласно моей симптоматике, — поделился с коллективом Совенко, проведя пальцем волнистую линию по своему деформированному, выпуклому лбу, — от природы мне полагались слабоумие и импотенция... Как со слабоумием — судить окружающим... Но со вторым диагнозом явно не задалось...

— Не лъсти себе, Аличек... — ласково отбрила его Давидзе, погладив ладонью по уже колючей от выступившей к утру щетины щеке.

Суханов имел основания сердиться и на себя, и на друзей: всё, и правда, вышло как-то очень уж спонтанно. Началось всё, как в народе говорят, «за здравие»: Иудифь Давидзе, или, как они теперь уже её звали, Иудонька, через полтора месяца работы получила ордер на московскую квартиру в новостройке. Суханов очень удивился, а Совенко — нет: он ведь читал «Магистерииум» и знал, что у колдунов свои возможности. А поскольку они уже очень плотно общались втроём, то решили «вспрыснуть», отметить это дело.

— Мак, поехали с нами в Угрюм-холл, — заискивающе попросил Алик. — Если мы на ночь глядя уедем вдвоём с Юдкой, нехорошо будет выглядеть: болтать про нас будут! А так, втроём, поехали по служебным делам...

И Мак Суханов совершенно искренне полагал, что он сопровождает парочку на Папюсову дачу, может быть — самое большое — выпьет там с ними и закурит. А потом откланяется: и пусть делают что хотят, не его дело! И вначале всё шло по плану: гримзы и евнухи ВЦБТ, цокавшие мячиками на столах пинг-понга, по советской традиции выставленных для сотрудников в мраморном холле, напряглись сплетневым азартом, увидев Совенко и Давидзе, но тут же расслабились, видя их под конвоем сотрудника КГБ.

А места в Порхово Суханову с детства, со школьных лет знакомые. Там чего только не было! Ведь именно малолетний Максимка Суханов, подлец, перепортил тут все книги на невостребованных взрослых хозяевами книжных «полках престижа». Корешки щадил (они наружу), обложки не миловал во время мальчишеских игр, с редкой для советского ребёнка отвагой в пакостливости.

На матерчатой, крупной клетки текстиля, обложке помпезно изданного романа Шолохова «Тихий Дон» фломастером подправил: «Тихий Бздон». Да ещё и фантазировал, как должны звучать эпичные цитаты такого произведения: «Далеко, над рекой, над полем в хрупкой утренней тишине раздался по завету предков волнительный и одухотворённый, тихий бздон...»

Сборник документов «Капитуляция фашистской Германии» у него превратился в «Эякуляцию фа-

шистской Германии». Автор с безобидной и обычной фамилией «Плясов» посредством нескольких штрихов стал у него вызывающе-неприличным «Блясовым».

Досталось от шаловливого Мака и репродукции с картины Ван Гога «Прогулка заключённых». В центр композиции, прямо в колодце маленького и тесного тюремного двора, на котором по кругу обречённо движутся заключённые в мрачной сине-зелёной гамме, он зелёным карандашом пририсовал чахлую ёлочку. И подписал: «Новый год в школе № 16».

То есть в его собственной школе, в которую он без особой охоты тогда ходил...

За мальчишеским хулиганством, с виду пустым, маячила грандиозная мутация сознания, неизбежная для материализма. Если жизнь случайна и бессмысленна, а Космос — лишь механический труп, то верх и низ меняются местами. Дело становится постыдной потехой, за которую стыдно, а постыдная потеха — делом, которым гордятся. Высокий пафос воспринимается как удел тупых, а низменное ёрничанье — как высшее проявление ума.

«Поколение КВН» не пишет «Тихого Дона» и не читает его. Всё оно сводится к «тихому бздону», в рамках процесса, который нейролог Совенко называл «великой эмансипацией пиписьки». Случайную жизнь можно потратить только на удовольствия — а на что ещё, если она случайна и заканчивается ничем? Так заговор хищников, мечтающих утилизировать цивилизацию со всеми её храмами духа, обменять, как вторсырьё, на деньги, дополняется заговором паразитов, умеющих только глумиться над всем и уравнивающим чёрный глум с высшей мудростью...

Угрюм-холл начал растление малолетних — и завершал его он же. Сперва вроде только «сняли ненужные вопросы» и поехали... А потом доехали, и «рбзлили», не разлив, драгоценные дары закавказской лозы, сказали дежурные тосты — за новую работу Иудифи, за её новую «хату» и за будущее. И за нерушимую дружбу с «дивизией SS» — Совенко-Суханов...

Дело было в небольшой, но театрально-готической Папусовой обеденной зале, при свечах, которые на двух концах длинного, тёмного, зеркально отсвечивающего стола зажгли зрители дома — супруги Багманы.

У стариков Багманов портился слух, и часто им казалось, что они говорят очень тихо, между собой, — а получалось вполне слышно посторонним.

Теперь Алик отчётливо слышал, как старуха диссидентствует:

— С такими ногами девушке не пропасть...

— Завидуй молча! — приструнил жену лоялистский до сервильности дядя Багман.

— На завтрак — яичницу из шести яиц! — смутил стариков Алик.

— Из пяти! — мягко поправила Давидзе. — Мне надо беречь фигуру.

Догадываясь, что их услышали, Багманы ретировались...

Может быть, под влиянием «Саперави», но скорее всего, просто как молодой и сильный мужчина, Суханов в колеблющемся полумраке свечных фитилей почувствовал смутную тоску и вполне отчётливое влечение к этой дьявольской вамп... И — плохо скрываемую зависть к Алику...

Мингрельско-гуцульской безрукавки-вышиванки давно уже не было и в помине. Иудифь смотрелась совсем иначе в брючках-слаксах с кожаными вставками, в обтягивающем джемпере тонкой выделки и с глубоким декольте... Золотые браслеты на её точеных запястьях позвякивали, словно бы сами по себе говорили что-то нежное... А если зайти с бокалом сбоку, то видны и туфли, облегающие «лодочки» на высоком каблуке, и крутой угол красиво выраженного бедра...

— Поеду я, наверное... — спросил Суханов.

— Давай на брудершафт, Максимушка! — предложила пьяненькая, раскося от этого Иудифь. — Втроём! Чтобы законно — «на ты»...

Она уже держала Алика за его пестрядинный галстук у самого узелка, притягивая к себе. Схватила за галстук и Суханова, а галстук, как и положено сотруднику органов, был на резинке: чтобы в драке не использовали как удавку... Но ведь тут не драка... За такой декоративный галстук не притянешь и ребёнка, но... Мак понял, что не хочет вырваться...

С двух сторон они, как два голодных упыря, приникли к смуглой, высокой, пульсирующей голубыми жилками шее источающей вокруг себе горячее желание женщины...

Потом, синхронно, каждый со своей стороны, дошли до её ключиц, словно бы обгладывали её. Тёмная трепещущая кожа отдавала на вкус парадоксом солоноватой сладости...

— У вас жар, мальчики... Постельный режим! — строго сказала Иудифь, когда они насладились первыми глотками её горячей сущности...

На ней было шёлковое голубое бельё, строгое, как купальник, ни одного легкомысленного кружачика или волана, и всё — на бретельках, завязанных бантиками... Пока Совенко распутывал бантик на её спине — Суханов жадно, наполовину пальцами, наполовину губами и зубами, расправлялся с тесёмками на бедре...

Потом трое слились в одно...

Когда потом, мокрые, словно после душа, они отдыхали, курили в три огонька, рискованно роняя пепел на простыню и покрывала, Алик, по его обыкновению, философствовал:

— Крайности смыкаются, ребята... Нет ничего глупее такого времяпровождения! Но, как ни крути, нет и ничего умнее...

Иудифь сделала партнёрам комплимент:

— Вы такие разные на вкус, мальчишки...

— И кто вкуснее? — заволновался Сovenко с его вечным комплексом неполноценности.

— Вкуснее всего перемена блюд! — ответила Давидзе мудро, как и положено колдунье.

* * *

Квартирка, полученная «Иудонькой», была типовой и небольшой, но уютной. В новой квартире новая серия сериала любви замзавлаба и его перспективной лаборантки начиналась практически без титров, прямо с порога, в крошечной прихожей, где Давидзе прыгала Алику в руки, а он нёс её в комнату, на скрипучий, купленный с рук диван...

Поскольку руки сатира заняты нимфой — гремит, сползая на локоть, холщовая сумка (полиэтиленовые пакеты в те годы в Москве ещё редчайшая редкость!) с дефицитными продуктами. В обмен на наркотический «джем» южной вулканической страсти — Алику не жалко ничего. Звенят в суме друг о друга драгоценный коньяк многолетней выдержки, стеклянные и металлические баночки с икрой.

Бултыхаются особо престижные миниатюрные вакуумные упаковки финской салями, по невысказанной цене — 35 копеек за 100 грамм, считавшиеся у партийного начальства отличной, хотя и несколько дорогой закуской для того, чтобы «приговорить» бутылочку. Как и добытый в непростой аппаратной борьбе финский сыр «Viola», упаковка которого в доме сразу же выдавала принадлежность к высшему обществу, даже если скромники хотели её скрыть. А в придачу к этим сокровищам гномов — первые в СССР импортные соки, в ярких коробочках и с трубочками, югославские «Дона».

Ещё Алик приносил на «запиль» к коньякам экзотический напиток по имени «Фанта», настолько неизвестный в СССР, что его за вкус и цвет почти официально называли «Лисьим Ядом». В числе «приятных мелочей» — жевательные резинки из Еревана и «Калев» из Эстонской ССР: со вкусом апельсина, мяты, малины и коричневые — вкуса кофе. Курили любовники из ВЦБТ очень дорогие ментоловые сигареты того времени «Салем», единственные, которые можно было тогда достать в СССР, да и то по бешеной цене в один рубль! Рубль, блин, первосортный шашлык на целый шампур дешевле стоит!

В итоге заветная сума с запредельно-престижным дефицитом валялась в стороне, а Алик и Иудифь лежали голые и потные на синтетическом коврике паласы и беседовали по душам — иногда распаковав и раздвигив сизыми разводами зеленовато-белый «Салем», а иногда и так...

— Почему ты выбрала меня? — спросил Алик у колдуньи, несколько не обольщаясь относительно своих мужских достоинств.

— Ты сильный маг, — ответила Иудифь. — Я это сразу почувствовала. Не то что твой Аггей Борисыч — этого в лаборатории дальше вахтера нельзя было пускать...

— Вообще-то не он мой, а я его... — грустно улыбнулся Сovenко.

Давидзе поводила смуглыми длиннопальцами руками вампирши, к тому же с длинными ногтями в кроваво-бордовом лаке над головой любовника.

— Я поставлю тебе диагноз: твоя болезнь — Сбитнев и Кацнельсон...

— Угадала... Не хотел бы быть твоим мужем — от тебя ни фига не скроешь...

— Очень ты мне нужен, в мужьях-то, — фыркнула эта стерва. — Ты не жеребец, Алик, когда я куплю постель, то в неё пойдут парни погорячее... Но они не будут магами, как ты, и это их большой минус...

— Ты мне сможешь вылечить от Сбитнева и Кацнельсона? — спросил Алик начистоту.

— Я здесь, потому что земляки Семена Ильича, тот круг еврейских магов, из которого он вышел, недовольны тем... ну, тем, что он вышел. Он стал слишком заносчив и самонадеян и думает, что обойдется без круга... Круг поможет тебе, если ты захочешь его образумить, и, возможно, круг уступит тебе его место, потому что сам он давно нужен в другом месте, в которое не идет...

* * *

Академик Сбитнев и доктор Кацнельсон недаром недолюбливали друг друга. Кацнельсон считал, что недалекий и мужланистый Сбитнев паразитирует на его научных достижениях, а Сбитнев видел в наме хитрого, ненадежного жидка, который, глядишь, свалит вдруг в Израиль и опорочит всех, с кем работал.

У Кацнельсона был пунктик: он все время боялся, что его подпись подделают, и потому разработал руку на сложнейшую витиеватую загогулину, будто бы был банкиром, раздающим подписью миллионы.

Готовя магическое действие, при котором вещь посредством приложения ума становится волшебной, Алик не стал подделывать подпись доктора Кацнельсона. Он напечатал на бланке Центра длинную кляuzu на Сбитнева (благо, о проделках академика знал, как доверенное лицо, предостаточно) и приклеил снизу вырезанную с совершенно другой бумаги подпись д.б.н. С.И. Кацнельсона. Коли кто не знает, то «д.б.н» — это не «дебил набитый», а «доктор биологических наук»...

Полученную аппликацию Алик тщательно смазал белой нитроэмалью, чтобы залакировать стык бумаг, а потом сделал черно-белую фотокопию доноса в ЦК. Получалось, что заместитель как бы тайком стучал на шефа и добивался его смещения.

Фотокопия с замысловатой виньеткой замдиректора ушла Иудифи, от неё — куда-то по неформальной дружеской еврейской инстанции, через инстанцию попала в руки партийных покровителей академика Сбитнева, заволновавшихся и приславших фотокопию обратно в Центр, Андрею Григорьевичу.

Конечно, фотокопия — не документ. Для суда, например. Но когда дело касается личного и тайного — фотокопия с бумаги может быть убедительнее самой бумаги. Сбитнев все понял правильно, то есть неправильно: что заместитель его подсиживает.

При верном Ильясе Сагидуллине (с маленьким магнитофончиком «Акаи» во внутреннем кармане пиджака) академик матерился как сапожник, высказывая все, что он думает о проклятых жидах вообще и жиде Кацнельсоне в частности. «Акаи» мотал пленку — чего ему, механизму, до людских страстей?

Потом кассета от Сагидуллина перешла Совенко, от Совенко — Давидзе, от Иудифи — в таинственные круги, объединенные договором взаимопомощи...

Круг, из которого вышел Кацнельсон и из которого он не должен был выходить, явился домой к доктору наук в лице грустного старого еврея, упрекнул в нерадении родству и прокурил разговоры «того, на кого ты нас променял». Кацнельсон, со своей стороны, пришел в ярость и написал на Сбитнева донос уже по-настоящему. Старый еврей из кругов помогал ему писать донос, а потом незаметно забрал бумагу из-под исписанного листка...

Вскоре Алик посыпал графитной пылью на вмятины шариковой ручки на белом листке — и ругательные письма Кацнельсона проступили. Копия доноса попала в папку Ильяса, а оттуда со вздохами — на стол академику Сбитневу.

Тлевшая вражда двух руководителей оккультными методами была воспалена. Андрей Григорьевич Сбитнев приказом уволил своего заместителя за прогулы и нецелевое использование служебного автомобиля. Уволил неправомочно: Кацнельсон обжаловал увольнение в партийных кругах, добился реабилитации, партийного взыскания Сбитневу за разбазаривание кадров, возмещения зарплаты и морального ущерба, а потом с обидой ушел сам — на то место, где он нужен был своему кругу.

После определенно рода аппаратной борьбы и подножек освободившееся место доктора Кацнельсона перешло к замзавлабу Виталию Терентьевичу Совенко. Немалую роль сыграло его участие в операции «Суслов», о которой никто в секретариате генсека не забывал.

— Поздравляю! — сказал Сбитнев, пожимая руку недавнему «промокашке», клерку канцелярских услуг. — Вы быстро растете по службе... Теперь вы мой заместитель...

Первым делом Совенко вызвал в новый просторный кабинет бывшего начальника Крохалёва и не удержался от соблазна дать ему несколько унижительных поручений. А также пояснил бывшему тирану, сколько неприятностей тот поймет, если не порекомендует на освободившееся место Совенко сотрудницу лаборатории Давидзе...

Андрей Григорьевич по-прежнему правил Центром и не замечал, что люди чужого круга, спаянные железной солидарностью, берут его в «коробочку».

Каждый шаг Сбитнева Ильяс докладывал своему шурина Совенко.

Сбитнев, со скандалом убравший видного еврейского деятеля, получил себе ежа в штаны: теперь огромное количество евреев в самых разных городах СССР, внешне никак не связанные между собой, могли написать, например, письма с негодованием по поводу позиции и деятельности академика. А непосредственную фабулу его обвинения мог им подкинуть контролирующий каждый шаг шефа замдиректора ВЦБТ Виталий Терентьевич Совенко...

6

Из кремлёвского Дворца Сената, где теперь расположилось советское правительство, от самого премьера, товарища Косыгина, вышел улыбчивый южанин, хозяин Ставрополя, а в Москве — прозываемый «Ставропольский Гость». Гость этот был новым фаворитом Кремля и выбирал теперь между постом министра сельского хозяйства и Отделом пропаганды ЦК КПСС¹.

В первом случае он бы начальственно соприкоснулся с целым рядом курируемых Совенко ОПХ — «Опытно-производственных хозяйств», валютных кузниц при ВЦБТ. Во втором случае — ещё хуже: «на отделе» исполняющим обязанности сидел Алексей Никонович Яковлевич, союзник и покровитель, поставивший Алику задачу: «Он должен отказать...»

И теперь Алик ждал Гостя Столицы в «предбаннике», возле двух неподвижных дежурных офицеров охраны и пустой вешалки, сиротевшей голыми крючками в углу: ни Алик, ни даже Гость не имели пока права вешать сюда свои плащи. Это была вешалка для членов Политбюро... Уделом пташек поменьше был гардероб внизу.

Окна косыгинского «предбанника» выходили прямоком на кремлёвский Арсенал. Здесь не было существенных переделок со времён грозного Иосифа: стены обшиты светлым дубом, ковровая дорожка шуршит под ногами малиновым ворсом с зелёной оторочкой. Всё большое, даже огромное: на столиках для ожидающих советские и иностранные журналы. Громоздкая, чопорная и старомодная, темной резьбы, источающая пыль солидности мебель. На каждом коридорном распутье — проверка пропусков вежливыми, неприметными охранниками...

Третий этаж — это Музей-квартира Ленина и покои действующего Генерального секретаря... По четвергам именно тут собирается «настоящее» Полит-

¹ Согласно мемуарам Горбачёва, в 1973 году кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС Пётр Демичев делал ему предложение возглавить Отдел пропаганды ЦК КПСС, где несколько лет Александр Яковлев был исполняющим обязанности заведующего. После колебаний, как рассказывает мемуарист, он, посоветовавшись с товарищами, отказался...

бюро ЦК КПСС, очень похожее на собрание в доме престарелых. В другие дни малый «красный зал» занимают референты и прочие мастера карандаша: главное, основное, центровое, ключевое и единственное в своём роде подразделение Общего отдела ЦК, которое обслуживало Политбюро.

Хоть зал келейных собраний и зовут «Красной залой» — красные стены и стулья в нём заменили более нейтральными и успокаивающими тонами: устойчиво витает запах красного дерева и кожаной мебели, из экономности во все дни, кроме четверга, крытой плюшевыми чехлами...

Ковровые тропы гасили шаги. Каблуки проваливались в мякоть, а взгляды — в оконную череду длиннейшего коридора, за которой специально обученный сокол гонял невероятно плотные стаи воронья, непостижимой магией отовсюду притягиваемые именно к Кремлёвскому Замку...

— Как там Рая? — поинтересовался Ставрополец небрежно, на ходу.

— Мне кажется, столичные гостинцы ей понравились... — подхалимничал Совенко. — Ну, мне так показалось...

— Улыбалась так или так? — Гость с юга изобразил два варианта улыбки, на миг превратив своё лицо почти в женское.

— Так, — повторил мимикой Алик.

— Тогда, значит, понравились... — похлопал по плечу фамильярным жестом комбайнёра фаворит.

* * *

Его разбитная супруга по договорённости должна была выбрать себе одну из двух элитных шуб голубой и тёмной норки, выделенных филиалом ВЦБТ — опытным зверохозяйством приполярной Сибири.

— Но я не могу выбрать! — капризничала жена Ставропольского Гостя, играя наивную лупоглазую дурочку. — Они мне обе очень понравились! Они мне обе по душе...

— Ну, так и берите обе! — широким жестом ода-рил скандальную мадам Алик. И хищно улыбнулся.

Курируемый им директор опытно-производственного внедренческого треста «СибМех» Гоша Степанов решил, что его подставляют, и начал бляеть, что по предварительной договорённости с хозяйством ЦК выделялась только одна шуба, на выбор, а две он никак... при всём уважении... никоим образом... Виталий Терентьевич осуществляет общее, партийное руководство «СибМехом»... Но все балансы и матответственность — на нём, на Степанове, так что, извините...

— Заткнись! — очень тихо, но с булжной тяжестью метнул ему в лицо куратор. Глядел в упор, гипнотизируя. Потом улыбнулся с кланяющимся полуоборотом супруге хозяина Ставрополя угодливой улыбкой старорежимного лавочного приказчика:

— Девочки пока упакуют вам обе шубы, а мне с товарищем, извините, на пару слов...

Девочки — Иудифь и Люда из приёмной — улыбнулись в ответ. Люда — криво и сухо, а Иудифь — понимающе, чуть не подмигнув.

Совенко выволок Гошу в меховой холодильник.

— Ты со мной спорить решил, Гоша?!

— Но меня же посадят! Сказали — она выберет одну из двух, я привёз на выбор... А она обе... А под списание идёт только одна...

— Я тебя ещё раз спрашиваю: ты будешь со мной спорить?!

— Я не могу! Они же на балансе! — чуть не плакал пушной начальник. — Это же норковые шубы... Мне что, из своей зарплаты вторую оплачивать?!

— Надо будет, заплатишь! — до боли сжал курируемому локоть Совенко. — Чать, не маленькую зарплату мы тебе выписали!

— Но, Виталий Терентьевич...

— И не ссы, я куратор отрасли, а не ты, на себя беру вопрос...

— Ну одну шубу выделили на подарок, а вторую-то... — ныл директор мехового треста.

Совенко иронически поинтересовался:

— Если на миллиметр либерализовать ГОСТ припусков мездры¹, сколько у тебя неучтённых шуб возникнет? Штук двадцать, по моим прикидкам?

— Около того, но это ж ГОСТ! Кто ж его...

— Я его... — издевательски, в тон меховщику ответил Алик. — Этот ГОСТ в моей компетенции, я куратор... Я тебе двадцать шуб голубой норки дарю одним росчерком пера, а эти две ты подари гостю, не позорь столицу!

И потом Алик бил Гошу Степанова. Только словами — но больно. В поддых. В солнечное сплетение. А Гоша прогигбался и краснел, как салага в шеренге армейской дедовщины, которому «пробивают фанеру» в грудь...

— Почему я должен за тебя это обдумывать, придурок?! — говорил Совенко злобно. — Я власть, я герцог... Я политические вопросы решаю! Я тебе удочку дал — мне ещё и рыбу за тебя ловить?! Это ты должен меня рыбой угощать — чтобы у тебя удочку не отняли! У тебя должен быть страховой фонд! Ты сам должен приходиться ко мне и говорить — не нужно ли вам, Виталий Терентьевич, десяток элитных шуб для политических вопросов?! А если ты имбицил и у тебя нет страхового фонда на хозяйстве — тогда за свои кровные будешь мне шубы покупать, понял? На твоё место у меня желающих — сорок человек! А я тебя выбрал... Потому что отца твоего знал, учился у него...

— Я очень ценю ваше доверие, Виталий Терентьевич... — выдавил Гоша войлочным тоном.

— Ещё раз, Гоша ты такое выкинешь — пойдёшь биологию в среднеобразовательной школе преподавать! И запомни навсегда: все связаны со всеми! Ты

¹ Мездра — подкожная часть меховой шкурки. Швы соединяют мездры под мехом между собой, если снизить припуск шва, то потребуется меньше шкурок на изделие.

в своих мехах купаешься, за бугор выставки возишь — потому что я замдиректора ВЦБТ ЦК КПСС! А я замдиректора ВЦБТ потому, что, когда жена головного фаворита просит у меня две шубы вместо одной, то получает две шубы вместо одной! Это волшебство невидимых нитей, Гоша, это, блин, Мерлин и Гендальф без грима! Ты меня хорошо понял, говно?

— Хорошо, Виталий Терентьевич, — горько сглаывая, кивнул Степанов.

— Миллиметр добавочного припуска на шов получишь завтра же! Но в следующий раз — это ты мне должен предлагать, а не я тебе!

* * *

И теперь Совенко был спокоен по части гостеприимства, обретя в жене Ставропольского Гостя, бабе властной и жёсткой, очень важного союзника для грядущих аппаратных игр. Но Алик — командный игрок. И, показав прыжок, теперь должен вместе со всеми показать и кнут. А как его показать фавориту, за спиной которого члены Политбюро?

Совенко придумал...

— ...Выключать свет? — кривил бровь в недоумении Яковлевич. — На хрена?

— На секундочку... — пояснил Совенко. — Я думаю, наш командировочный с курортных югов всё поймёт... У него умишко небольшой, но цепкий...

— Сосканировал уже? — упрекнул старший товарищ Алика.

— Не без этого... профессиональное у меня... Я спиной прижмусь к косяку, как будто нечаянно... Потом извинюсь и обратно включу... Ну, такая неловкость молодого сотрудника... Ничего больше...

— Да на хрена?! Ну, допустим, никто за такое не расстреляет, но смысл?! Ну, окажемся мы на две секунды в темноте...

— Этого будет достаточно...

* * *

— Всё-таки подумайте, мы о вас заботимся, — бормотал академик Арбат. — Стоит ли менять первый пост в Ставрополе на такое незначительное место в Центре? Если бы вы подождали — мы, коллективно, с товарищами, нашли бы что-то предложить более достойное вашего уровня...

— Я ведь не сам... — стыдливо потупил взгляд Ставрополец. — Меня Демичев и Кулаков двигают, мне неудобно им отказывать...

— С Демичевым мы сами поговорим... — В ответе слышалась угроза. — А за себя вам нужно решать самому...

И тут торчавший порученцем у двустворчатых дверей, никому не заметный Алик выключил сразу все осветительные приборы, приложившись задом к обеим клавишам выключателя... В «Красной зале» воцарилась тьма. Всё угловатое и твёрдое разом стало округлым, неверным и зыбким...

— Что со светом? — взволнованно спросил до смерти напуганный, только что бодро державшийся в древних византийских покоях экс-комбайнёр.

Подковка обступавшего его в «Красной зале», лишь по четвергам отводившейся для Политбюро люда, — подлинных хозяев этих ромейских альковов, — смотрелась весьма экзотично.

В темноте у всех горели глаза жёлтым ярким огнём. А при смаргивании, «на смарге», проступала ярко-оранжевая радужка, плёнка «третьих век»...

— Что со светом?! — ещё тревожнее взмолился фаворит.

— Извините, это я нечаянно... — подал голос Алик от дверей, чуть запоздав, как и было задумано. На его знакомый голос Ставрополец оглянулся, ища поддержки, — но увидел всё тот же горящий жёлтым взгляд на чёрном в полумраке овале лица... Алик подмигнул провинциалу — и один его глаз полыхнул пяроче, оранжевым оттенком, словно потревоженный уголёк в камине.

— Я... я... — заблеял новоиспечённый член ЦК КПСС овечкой — он ведь и казался овечкой в кольце подсвечивающих габаритными огнями плотоядных глаз столичных вурдалаков.

Алик щёлкнул выключателем, лампы и настенные бра снова залили пространство электрическим световым бездушием. Ставропольский Гость стоял, набычившись, как бы собираясь бодаться несуществующими рогами на пятнистой лысине. Он покраснел и взмок. В модерне электрической яркости всё снова смотрелось привычно: партийцы как партийцы, референты как референты... Гость молчал. Молчали и гостеприимные хозяева. А что он мог сказать, провинциальный секретарь ЦК, один из многих? Что в малом, камерном зале рабочих совещаний Политбюро ЦК КПСС, в вечернее время, его окружили упыри? И где бы он оказался после таких заявлений? А потом, если уж окружили монолитным козьцом, почему не напали? Не съели?

— Потому что я принял решение не идти на идеологию в ЦК... — сам себе, но уже не умственно, а вслух ответил с усилившимся от страха украинским акцентом Ставрополец.

Упыри, в электрическом свете ничем не отличающиеся от обычной номенклатуры, молча покивали. Они услышали. Они поняли. Они приняли.

— Мы обязательно пригласим вас в Москву! — за всех сказал Яковлевич, отстоявший своё место. — Но уже без Демичева! Сами пригласим, понимаете?

— П...понимаю...

— Алик, будь другом, как самый молодой: проводи гостя до гардеробной...

— ...А вы очень энергичный и волевой руководитель! — сказала Совенке супруга Гостя, прощаясь в аэропорту и задержав в сухой властной ручонке его руку. Смотрела с восхищением, прямо в глаза Алика.

Первый раз в жизни Алик порадовался, что рождён уродом: не хватало ещё, чтобы этот степной чур-

бан приревновал! Хотя — мы же знаем! — его уродства никто, кроме него самого и, может быть, пары антропологов Академии Наук СССР, разглядеть не мог...

* * *

Чрезвычайный и полномочный представитель атлантистов, Американской Империи и всего её охвостья, совсем не посол, а нечто гораздо более значимое, Хенри Гиссинджер, сидел на пассажирском сиденье им же подаренного Генсеку КПСС американского спортивного автомобиля бледный и с волосами дыбом. Его высокий лоб казался оттого ещё выше, и по лбу катились крошечные капельки холодного пота. Леонид Ильич Брежнев за рулём масленично, кукольно улыбался, словно подросток, зарядивший перчёную шалость: прокатил гостя по далеко не лучшей лесной дороге на его подарке, приговаривая с царской ещё гимназии памятно: «Какой русский не любит быстрой езды?!» Хенри Гиссинджер не был русским и быстрой езды, по всей видимости, не любил.

Это словно в детстве аттракцион «русские горки», которые в России зовут «американскими горками». Потом вспоминать забавно, а в процессе потом изойдёшь! Одеты были оба вершителя судеб мира неподобающе. Брежнев — в каком-то кителе, похожем на сталинский, но с легкомысленными, на французский манер, пустыми погончиками с круглыми пуговками. Гиссинджер вырядился как команданте латиноамериканской герильи, внешним видом походя на соратника Кастро и Че Гевары, а роговыми очками на крайне непрактичного профессора-ботаника. Общее впечатление от куртки команданте и кафедральных очков — дурачок...

Брежнев, вздымая пыль и еловые прелые иголки, затормозил юзом возле странного сооружения — очень высоко поднятого на неошкуренных сваях деревенского дощатого сортира. Будка соответствовала и размером, и формой, и скошенной крышей, и даже дверца в неё была украшена выпиленным меж досок сердечком, как в деревенских сортирах с непонятной целью делают селяне... Только дырки внизу не было, потому что сортир на столбах был на самом деле охотничьей засадной вышкой охотхозяйства Завидово...

Вообще сказать — удивительно стрёмное помещение для владыки полумира и ромейского императора! Не то, что наждачкой или шлифовальным кругом не прошли — рубанком и то толком не обработали: грубо сколоченные, шелястые стенки, лестница в «сортир» соответствующая — из каких-то кривых дощечек...

— Ну что? — спросил Брежнев у бледного и мокрого Гиссинджера через переводчика. — Завалим лося, Хенри?

— Вначале я завалию то, что принял за завтраком перед этой поездкой... — по-свойски сознался Гис-

синджер. И указал рукой на будку под облаками. — Надеюсь, это уборная?!

— Это стрелковый номер, Хенри... — обиделся Ильич. — А в уборную тебя сейчас проводят...

«Если у вас номера такие, — в связи с трудностями перевода подумал Гиссинджер, приняв слово за «номер отеля», — то какие же у вас туалеты?!»

И туалет не подвёл изошрённой охотничьей экзотикой... Но Алика сюда вызвали вовсе не для того, чтобы любоваться зажимистой походкой высокопоставленного атлантического ссыкуна.

Два дня назад ему обрисовали задачу.

— С ним эксперт вашего профиля, Виталий Терентьевич, — отозвал Алика в сторонку личный адъютант Брежнева, широко известный в узких кругах Володя Собаченков. В частности, поговоркой генсека для не в меру конфликтных референтов: «Будете собачиться — Собаченков вас выведет!»

— Моего? — поинтересовался Алика, имевший в Завидово несколько экспертных функций, довольно далёких друг от друга. — Это какого?

— Я откуда знаю?! — изумился Володя. — Мне сказали — «его профиля». Берите и общайтесь, чтобы не скучал, потом доложите о впечатлениях лично Первому...

— А зовут-то хоть как?!

— Герберт Оллрайт¹...

— Ого! Тот самый?!

Адъютант его величества смотрел невыразительным пустым взглядом. Он понятия не имел, тот ли самый Герберт Оллрайт или не тот, потому что не знал никаких разных Гербертов Оллрайтов. Ни одного до сего дня, чести не имел, так сказать, так что пусть Алика сам в сортах этого дерьма разбирается... А вот Совенко прекрасно понимал, кого привёз с собой американский заклятый друг. У него и книжка была, и фотография гостя на задней стороне обложки...

С этим фото он и пришёл к Иудифь Давидзе в её новый, бывший собственный кабинет.

— Лапушка моя, к нам в составе делегации едет Герберт Оллрайт, это большое событие... А особенно для меня... Я закреплён за гостем, как дуэнья...

— И что? Мне зарыдать от счастья? — скептически вполоборота смерила его взглядом превосходства Давидзе.

— Рыдать не надо, но помочь неплохо бы...

— И как? Английским я не владею, так что в переводе...

Алика перебил её, постучав ногтем по гляncy фотографии на обложке:

— Приворожи его...

На Иудифь после таких слов страшно и глянуть было...

¹ Явная отсылка читателя к Джону Кеннету Гэлбрейту, одному из самых известных американских экономистов, стороннику теории слияния капитализма и социализма путём социализации рынка, другу СССР, иностранному члену АН СССР.

— Я тебе не шлюха, чтобы меня под иностранцев подкладывать! — взвилась чёрным смерчем бешенства Давидзе. Глаза её сверкали и метали молнии.

— Я не прошу с ним спать... — спокойно давил бунт Алик. — Я прошу приворожить... Это разные вещи. И, кстати, по твоему прямому служебному профилю в ВЦБТ... Ты штатная колдунья, если что!

Помолчал, а потом взял её тонкую продолговатую кисть в свою большую квадратную ладонь и, прищурясь, добавил мягким тоном:

— А спать теперь будешь только со мной... Ни с иностранцами, ни с кем... Больше — всё...

— А чего это ты мне указываешь, с кем спать, с кем не спать?! — по-женски непоследовательно возмутилась Иудифь. И чувствовалось, что теперь в знак протеста она сделает то, что в начале разговора её так оскорбило. — Ты мне кто?!

— Начальник у твоей...

— Завтра заявление напишу, и больше не начальник... Квартиру я уже получила, так что...

— Дурака не валяй... — попросил Совенко ещё мягче. — Я маг, ты ведьма, тут заявлением не отделаешься, ты сама знаешь лучше меня. Я решаю — ты делаешь. И уже не важно теперь, кто из нас какую должность занимает...

— Может, мне с тобой ещё и в ЗАГС сходить, расписаться? — поинтересовалась Иудифь с ледяной издёвкой в дрожавшем от негодования голосе.

— Надо будет — и пойдёшь! — треснул Алик кулаком по полировке стола. — И распишешься как миленькая... А кроме меня теперь — ни с кем не смей... Силу ведическую растрачиваешь...

— Тебя не спросила! — фыркнула смуглая фурия: мол, фунт презрения тебе! И хотела ещё что-то добавить в тон той же дерзости, но напоролась на штырь его тяжёлого взгляда и прикусила язычок. А когда снова заговорила — то уже просительно, как дочка с отцом: — Даже с Максимкой? Он такой пуська...

— Даже с Максимкой, — отрубил Алик. — И смотри, не финти мне, Иудонька, не ты одна людей насквозь видишь...

* * *

Брежнев в том году вёл себя как панк, неформал и рокер. Он сочетал мятый охотничий ватник с ковбойской шляпой и дымил на бесчисленных завидовских комаров длинными тонкими пахитосками с белым фильтром и бурым конусом. Пахитоски казались женскими, а генсек — бомжом, одевшимся в то, что было на помойке...

— Я ожидал встретить фараона, — сознался Герберт Оллрайт. — А встретил битника...

— Внешность обманчива, my dear Herbert, — ответил ему человек-«промокашка», демонстративно глянув на часы «Ланже», по стоимости равные целому «Линкольну». Безупречно сидящий костюм ПШО «Большевичка», чистой шерсти, на родине Герберта

был бы доступен только миллионерам. — Внешность очень обманчива...

Мимо них в завидовскую комнату отдыха Политбюро, похожую изнутри на полированную шкатулку (все её четыре стены и потолок были одной сплошной и гладкой, слегка зеркалящей блики мебельной панелью), «шествуя важно в спокойствии чинном», прошли легенды советского рока (в смысле, судьбы): хозяин армии Устинов, хозяин столицы Гришин, похожий на нетопыря строением, а особенно выражением лица Антропов, суровый, словно замороженный, Зимянин, поэтический белоголовый и узкоглазый Черненко... Убеждённый кейнсианец и враг свободного рынка Оллрайт просил показать ему «второго великого экономиста XX века» Алексея Николаевича Косыгина, которого заочно почитал наравне с Кейнсом. И Косыгин был, и очень живописный, в спортивном костюме, в котором он плавал на байдарках, в окружении тучки комаров и тучки таких же зудливых помощников...

Но теперь Оллрайт лишь лениво скользнул взглядом по советскому премьеру — и снова повернул голову в ту сторону, где скромно, среди обслуги, расположилась Иудифь Давидзе...

«Ну что, сучонок? — внутренне ликовал Алик. — Пережгли вы всех своих красивых баб, когда на ведьм охотились? А эта сама, как уголёк, сама сожжёт, кого захочет...»

* * *

Прочно переименовав Давидзе в Judith, Герберт всюду преследовал её взглядами, жестами внимания и словечками, вылетающими невзначай. Ему плевать было на протокол, в делегации он не главный, смотрят в основном мимо него, и никто не запрещал ему общаться с русскими девушками... Тем более, что эта и не русская... И, как кажется по плотоядной улыбке, по опытному взгляду миндалевидных глаз — не девушка... А потом — он сразу же почувствовал в ней что-то такое, что привязало его к ней вне и помимо его воли, его существа...

Просвещённый сын XX века, теоретик слияния социализма с капитализмом, Оллрайт никогда в жизни не поверил бы в приворот... Чем во все времена и пользовались колдуньи, которым, чем больше атеистов — тем легче волховать...

В отдельной комнате бокового крыла завидовского комплекса Оллрайту организовали сувенирное, кондвовое, посконное русское застолье. Алик потчевал и тостовал, несравненная Judith подносила... С театральным поклоном просила, игриво постреливая глазками, начать по-заведённому, с чарочки. Оллрайт, кстати сказать, прекрасно говорил по-русски, и штатный переводчик просто бухал за приставным столиком без пользы и толку. Ну, его счастье, а для pretty Judith — лишняя морока.

Она вообще оказалась между двух огней! Алик, подлец, велел приворотить, но не соблазнять, а это

как Джеймс Бонд с его «смешать, но не взбалтывать»... Легко сказать, а как воплощать прикажете?!

Чарочки были особые, хохломские, яркие. Бутылки величались как «Хлебное вино», «Трудная вода»... И медовуха, конечно, и лафитнички со взварами возле самовара на еловых шишках! Потчевали традиционными завидовскими «гостевыми»: фаршированным осетром и жареным охотничьим тетеревом, мясо которого здешние мастера умудрялись пропитать терпким, стойким запахом можжевельника...

Оллрайт был от природы типичным WASP — худощавым, сухопарым и угласто-мосластым, резким на силуэт, с массивной нижней челюстью. Такой типаж легко было представить среди мрачных и фанатичных пуритан Туманного Альбиона, разжёванных до бесчувственного мужества вечной сыростью и ревматизмом. Но ел Герберт хорошо, выпивал русской водки — «Трудной воды» кремлёвского поставщика, завода «Кристалл», ещё лучше.

— На самом деле вы победили! — поддато настаивал он, обращаясь вроде бы к коллеге-нейрологу, но глядя на pretty Judith, да и с эмоциональным жаром, излишним для диалога с коллегой на нейрополитические темы.

— Как же так, — вбирая к себе в бархатное, гипнотически-обволакивающее обаяние, кокетничала Judith, — ведь мы же кажемся вам нищими и кровавыми...

— Не обижайтесь, я приехал говорить правдиво, потому что только правда может наладить прочные мосты... А моя задача — готовить мосты взаимопонимания между нашими мирами! Я приехал разоружиться! Не сердитесь, но вы действительно нищие и кровавые... А у нас другая беда: у нашего общества нет будущего. И это гораздо хуже. Нищету можно заполнить товарами, кровь смыть. А когда нет будущего, нет уже ничего! Мы держимся каких-то приличий, потому что нас сдерживает ваша угроза, но если её не станет, мы разложимся на плесень и гной...

Из закусок гость выбирал между копченым волжским балыком и медвежьим окороком и между красной, чёрной и белужьей икрой в серебряных ажурных менажницах, вокруг которых толпились под фарфоровыми колпачками соленые, квашеные, маринованные овощи и грибы. Давидзе подцепила крупный белый груздь на тяжёлую вилку с монограммой и поднесла, подстраховывая снизу ладошкой, к самым губам американского гостя. Тот с благодарностью закусил, почти поцеловав её запястье...

— У нас был такой жулик от науки... — вдохновлённый вниманием Judith, почти выкрикивал в протестантском экстазе проповедника этот голубь мира. — Маслоу...

— Кто? Маслоу? — вздрогнул Алик на знакомую и неприятную фамилию.

— Нет, именно Маслоу... Так вот, он выдумал, что человек не может испытывать потребности вы-

сокого уровня, пока нуждается в более примитивных вещах. Почему он решил, что удовлетворение примитивным — вызовет потребность в высоком? Разве у червей потребности сытых червей чем-то отличаются от потребностей голодных?

— Потрясающе! — кивнула Давидзе. — Как глубоко!

Она играла мечту просветителя — почтительную дурочку. Оллрайт прямо перед ней, как каталанпёрсточник, выставлял и крутил по столешнице предметы. Первым делом, как гроссмейстер ферзя — прямо к её руке пододвинул хрустальную креманку с конфетами «Родные просторы», трюфельными посыпными пирамидками:

— Вот это — ну, допустим... Астрономия со всякими телескопами... Это... — Он пододвинул малахитовый кубик с овальной выемкой, пепельницу, — ну, пусть будет вообще наука... Вот это... — Он выставил вперёд бокал-гоблит, формой напоминающий кубок победителю спортивных состязаний, — философия, скажем... А вот это... — Словно пешку, двинул вперёд коническую ликёрную рюмку-сауэр, — литература... Ладно, культура вообще как таковая, а то предметов не хватит... Вот вы как нейтологи можете представить, что это всё сразу стало всем ненужным?

— С чего бы вдруг? — удивился Алик.

Judith, divine Judith молчала, но спрашивала глазами. И этот её молчаливый заглядывающий интерес возбуждал Оллрайта сильнее любого стриптиза.

— С того, что образ жизни слепых червей ничего этого не предполагает... Им даже любви не нужно — они размножаются делением...

— Ну, это преувеличение... Черви варьируют... — вязала его улыбкой Давидзе. — То делением, а то и... как мы с вами...

Фразочка раздвоенная, как змеиный язычок: «как мы с вами» — понятно, что род человеческий... Но ведь смотрит в упор именно она и именно на него, а не на абстрактное древо эволюции...

— Я с точки зрения нашей нейрологии! — немного смутился Оллрайт. Не выдержал её взгляда, чувственного выстрела, и отвёл свои бесцветные англосаксонские окуневые зрачки. — Как аллегория мыслительных процессов человека-потребителя, у которого удовлетворение потребностей приводит к угасанию мыслительного процесса! Они жрут, жрут всё, до чего могут добраться, — и на этом они исчерпываются... И не то, чтобы им кто-то запрещал философию или Шекспира читать, а просто у них такой потребности внутри нет, понимаешь? Потребность жрать — есть и заполняет всё их существо, но, даже обожравшись до смерти, они ничего, кроме жратвы, себе вообразить не могут...

В этот момент стёкла в окнах задребезжали от мощных выстрелов. Это Леонид Ильич Брежнев, забравшись в высокопоставленный дощаный сортир, показывал госсекретарю второй половины мира искусство стрельбы разрывными по транспортиру дви-